

Понеслись!

В любимом тосте птицеводов очень метко схвачена суть их профессии

Наталья ПОДКОРЬТОВА

Сергей Эйриян – яркий представитель, увыв мельчающей плеяды уральских руководителей-самородков. Он возглавил «Среднеуральскую» птицефабрику в довольно молодом возрасте и сделал предприятие одним из ведущих в отрасли. Сегодня он директор агрофирмы «Артёмовская». Вернулся туда, где когда-то начинал. Его кабинет совсем не похож на директорский: ни хорошей мебели, ни дорогих аксессуаров, ни иконостаса подарков. В углу «немолодой» сейф с призывом открытой дверцей. «Знаешь, что у меня там лежит? – спрашивает, хитровато улыбаясь. «Курица или пакет с помётом...», – предполога я. «Почти». И достаёт огромный пакет. В нём – конфеты, печенье, пряники... Его рабочий день всегда начинается очень рано. На «Среднеуральской» в семь утра уже был в кабинете. На агрофирму приезжает чуть позже. Первое, что делает, – смотрит Интернет: будет дождь – не будет. Уборочная.

– Мы занимаемся получением от земли продуктов питания. Ясно, не фиников, а тем, что произрастает у нас. Природа балансирует: одно без другого не растёт. Зерну хорошо, когда клевер рядом. Горюх азот откладывает в землю, его пшеница потом возьмёт.

– На корпоративном флаге – стилонок, а на фото над столом – лошади. Вначале была курица или конь?

– Сосновый Бор, где я родился, – родина уральского коневодства. Все бредили лошадьми. Конным заводом для высшего командного состава страны руководил мой отец. Я и на коня сел, по-моему, как родился. Когда уходил со «Среднеуральской», друг позвонил: «Забрал из кабинета лошадей своих? Да? Тогда я спокоен». Зная мой фанатизм, звали работать на лучший советский конезавод, где когда-то граф Орлов выводил лошадей. Я тормошнул. Лошади должны быть хобби, а не профессией. У меня, правда, уже зависимость.

– Первое коня помните? – Конечно. Это как первая любовь. Помню характер, повадки, настроения, темперамент. Какую людей.

– Про куриц так не скажете?

– Нет, конечно. Курица...

– Драга?

– Полная. У лошадей можно многому учиться, потому, видимо, людей к ним и тянет.

– Вы прошли классический советский путь от зоотехника до директора птицефабрики?

– Не сомневался, что буду работать с животными. Хотя в школе учителя во мне видели хирурга. Настаивали, чтобы поступал в мединститут как целевик из села. Сказал – не пойду, покойников боюсь.

Первая моя профессия – пастух. С её проявлениями всю жизнь сталкивался: людей надо пасти, деньги. Ребёнок рано вставал, поздно ложился, переживал за коров. Рядом были пастухи – болгары-перселенцы. Очень ответственные, со своими традициями. Они меня не научили курить, не научили пить. Ответили от этого. Главным наказанием в детстве – ходить в школу и спать в садике. Убежал в стадо, лишь бы не учиться. Мне надо было быть на конном, на ферме, руководить на силосной яме.

– Вы хотели быть именно зоотехником?

– Сочинение в сельхозинституте писал на тему «Почему выбрал эту специальность». Себя назвал директором сельского производства. Надо уметь руководить оркестром, в котором трактористы, доярки, комбайнёры. И до сих пор приходится дирижировать: если каждый бу-

Дети приехали на поле с концертом «В рабочий полдень». Сначала было зрелище, после – хлеб

дет играть свою музыку, в селе ничего не выйдет.

– В том, что станете директором, значит, не сомневались?

– В характеристике за пять классов написано: «Серёжа Эйриян учится посредственно, на твёрдую тройку, мог бы лучше, но желания к учёбе нет. Организовать на совхозные дела любых ребят может запросто». Действительно так: хвою собирали, золу, крапиву весной, на покосы ходили.

– Вам всегда важно было быть первым?

– Да. Кроме учебы. Рядом всегда были люди, заражённые идеей. Почему свердловский птицепром лидировал? Потому что все первые лица области были нацелены на это, понимали его значимость. Матвей Ялухин (глава объединения «Птицепром» – Н.П.) хвалился, что директор Уралмаша сидел в приёмной. Любый секретарь райкома мечтал иметь на территории птицефабрику, потому что знал: это заработки, рабочие места, социальная сфера. Ельцин, где бы ни выступал, призывал есть яйца. Хотя бы по одному в день...

– В 90-е произошло накопление опыта, резервов, мощностей, и случился «куриный прорыв»?

– Свердловская область была законодателем мод, всех начинаний в отрасли, потому что промышленный потенциал позволял нам это. Птицефабрики строились вблизи ГРЭС. Их второстепенное тепло – удешевление продукции. Химмаш делал сосисочные аппараты, в Верх-Нейвинске клетку выпускали, «закрывали» заводы работали на нас. В правительстве все совещания начинались с проблем птицеводства. Знали – это локомотив, который вытаскивает всё остальное.

– А что за история с одеялом, которое вы подарили директору Среднеуральской ГРЭС?

– Подарил на трибуне со словами: «Сним под одним одеялом, его передёрживать нельзя. Живём в одном городе, жёны работают на птичнике, мужики на СУГРЭСе». Часто об этом забывают, и промышленники тянут на себя. Всё разумно было устроено. Сейчас одеяло тянут энергетики, газоники. Это сказывается на цене продукции. Только когда есть союз серпа и молота, всё получится.

– С директорами птицефабрик были соперниками или в одной упряжке шли?

– В одной. Была команда. Если и конкурировали, то на полях своей умелости, предпринимчивости. Коллективы вместе отдыхали, с «Кировградской» подвигали итоги года, на «Серовскую» отправляли несколько вёдер роз. В гости приезжали так, чтобы наша заведующая детсадом шла в их садик, а потом

говорила, чего нам не хватает. Мы подтягивались. Какая конкуренция?! Соперничества только на уровне применения достигнутого.

– В лихие годы птицеводы кормили всю область?

– 300 километров сосисок, 300 километров колбасы в месяц выпускали. Кто-то это съедал. Исключительно наше мясо! Потом уже потекло импортное, стали в колбасу кенгуре добавлять, сайтаков.

– Сейчас мы уже не помним, а некоторые и не знают, что лет 20 назад вся продукция птицефабрик была – яйцо и тушка курицы...

– Неправда. Курица была потрошёная и полупотрошёная. Мы в середине 90-х провели «Кукереку-шоу», позвали всех пишевников. Собрали стол из местных продуктов. Поняли: производим много и качественно, проигрываем в упаковке, в ассортименте. Глядя на иностранцев, начали разделять птицу на крылья, грудки, голени. Ельцин общество разделил, а мы – курицу: кому грудку, кому окорочка, а кому суповой набор. Взяли девиз: «Продавать не то, что производим, а производить то, что покупают». Удовлетворяли разную платежеспособность.

– Вы – зачинатели фирменной торговли, максималки сократили путь продукта от производства до прилавка.

– На западе треть доходов получают переработчики и торговля, остальное – производитель. У нас наоборот. Мы ликвидировали всех посредников. Открыли фирменные магазины, привлекали разных пишевников, чтобы набор, который хозяйка должна купить, был в одном магазине.

Не моя мысль, но полностью согласен: сегодня Россия должна спасти провинцию, завтра она спасёт Россию. Утром в Артёмовский – десяток машин, в Екатеринбург – вереница. Народ кинулся в большие города. Там он на побегушках, на охроне, на подносах. В селе производство останавливается. А ведь только провинция может кормить и питать крупные города.

– Вы – человек земли?

– Да. Люблю проехать на тракторе, пройти по пашне. Считаю, мне повезло в таком возрасте вернуться к земле. Она даёт энергию необыкновенную. Надо заземляться. У Михаила Копытова (зам. министра сельского хозяйства – Н.П.) есть меткое выражение: «Земля не девка – обманешь, не родит». А мы всё норювим её обмануть.

– Не раз видели, как люди на фабрике, заведёв вас, бегут словно цыплята к наседке. Они для вас подчинённые или единомышленники?

– Ясно, что единомышленники. Все – от тракториста до замов. На отстающей ферме сменил бригадира (прежний не совсем отвечал требованиям опрятности). Пришла женщина: наведённые брови, накрашенные губы, белоснежный халат, иногда в татарских галюхах, иногда на каблуках. Навела порядок. Моя задача – обнять её при любых руководителях и обстоятельствах. Не обнял – будет думать: что-то не так сделала. Иногда поступаю предельно жёстко – хоть друг это, хоть товарищ. Пускаю на оценку коллектива. Другой механизм запущен. Люди научились дорожить своим рабочим местом не из страха увольнения, нет. Оно привлекательно. Все были заинтересованы в конечном результате. Мы не призывали к новым тоннам, а создавали условия, чтобы людям самим это хотелось делать. Однажды повесили растяжку «Миллион». Человек шёл на работу и видел число. Наверное, это стимулировало. Когда он миллион делал, его отправляли отдыхать, как героя. Мы не увольняли: кто подводил, уходил сам.

– Смотри художественной самодеятельности, розарий посреди фабрики, верблуды, массовые сплавы по Нейве... Сегодня это называется корпоративной культурой, но когда вы это начинали, слов таких ещё не знали.

– Это настроение, психологический климат. За пять лет в три раза увеличили объёмы. Это не запоминается, но на совещаниях даже Александр Воробьёв, тогда – председатель областного правительства, интересовался здоровьем верблуды Яши. Через него – всей птицефабрикой.

– Вы такой расчётливый – купить верблуду только затем, чтобы о вас помнил руководитель?

– Расчётливый. Это знакомство, это отношения, это связи. А сколько Яша наших ребятки перекатал, сколько радости всем доставил. Розы? Мама обожала цветы. Такие гладилуцы выращивала в деревне! Жена любит. Да и все любят. На «Среднеуральской» сразу сделал теплицу под розы. Привёз самые красивые сорта из Франции, Германии. Первую срезку поставили на столы в рабочей столовой. Люди подумали: ждём начальство. Но так стало всегда. Я, кстати, долго не понимал, что женщины надо дарить цветы. А когда розы появились, приучил себя домой приходить с цветами. Их стали раскупать рабочие. Жёны обижались, если муж приходил с пустыми руками. И охломны стали носить! Все мероприятия с розами проходили. Экономически выгодно и психологически приятно.

– Ещё и звания были, которые народ ценит – «Почётный работник птицефабрики»...

– Это очень важно для людей, которые много лет проработали в одном коллективе. Мы их на пенсии не забывали. Всегда, где бы ни работал, перед Новым годом больных сотрудников проводил, принимал «многочетных матерей» – директора подшефной школы и заведующую детсадом. Сейчас шефство возрождают, а мы никогда не снимали с себя этой обязанности. Любил, чтобы свадьбы приезжали на фабрику, чтобы выпили за здоровье (никогда не запрещал шампанское) жениха и невесты, чтобы коллеги увидели их красивыми, счастливыми. Тоже агитация за предприятие. На фабрике были именные корпуса. Как корабли. В честь сотрудников, их детей. Люди несут некую ответственность за это.

– Модернизация «Среднеуральской» много лет назад началась с рабочей столовой?

– Да. Первое, что сделал, став директором, – попросил список необходимого оборудования, посуды. Подписал не глядя. Столовая должна быть хорошая, родная, тоже имидж предприятия добавляет.

– Возращение в Артёмовский вынужденное или уже есть азарт, кураж?

– Азарт и родина. Сельское хозяйство не даёт богатства, но даёт свободу.

– Вам хочется свободы?

– Да. Утром рано встаёшь, вечером поздно приходишь, дня не хватает. Это же свобода.

– Руки никогда не опускались?

– Карина, дочка, как-то взяла за руку и спросила: «Папа, а тебе крылья ночью спать не мешают?». Тяжело было, да. Но всё равно думал о будущем. Мой друг, врач, говорит, что у меня три болезни. «Первая – не стало наставников: всегда окружали люди, что могли дать совет; вторая – целеустремлённость, от которой люди стреляются (стали задачи, которые не обсуждаются, и все должны крутиться, но выполнять их); третья – думаешь, что ещё молодой, что можешь богатеть».

– Возраст чувствуется?

– Иногда. На что-то иначе смотрю, дочка выросла, рисковать приходится, но не быть Павкой Корчагиным. Не та обстановка, чтобы с шапкой вперед рваться. У коллег это раздражение вызывает. И у руководителей. Раньше терпеть не мог растениеводство, не понимал его. Теперь знаю, что всё от земли. Нефти и газы кончатся в будущем. Всё истощится, а земля и солнце будут всегда.

– Почему вы не ходите в отпуск?

– В голову не приходит думать об этом. Так много обязанностей, что не могу оставить. Не из-за того, что кому-то не доверяю. Куда ни приду, везде реконструкция. Не на готовенькое приходил.

– Здесь с чистого листа начали?

– Конечно. Нет комбикормов, молочное стадо практически вырезано, ни одной овечки, загублено растениеводство, коневодство запущено, птицы не было.

– Работа, работа, работа. А что ещё?

– Друзья. Бани. Дети как-то насильно отвезли в салон тайского массажа. Понравилось. Люблю с мужиками на охоте посподеть. Без ружья. Выпить, послушать их. Рыбачить тоже не люблю.

– А женой любоваться?

– Только сейчас начал.

– Как дождался?

– Она – молодец, всё понимает. – Восточная покорность? – Ну да! Она в такой оборот меня взяла. Зарплату свою никогда не получал. Я деньги расходовать не умею. В магазине в тележку кладу печенье, пряники, «Золотой ключик», грильяж в шоколаде. В старом деревенском магазине, деревянном, люблю покупать пряники. Сухие. Привычка с детства.

– Устои предков храните?

– В семье очень берегли грамоты, газетные врезки. Когда мама умерла, я только и взял газеты и награды: её орден Ленина (была передовой дояркой), бабушкину медаль матери-героини. Мой орден Почета поставил точку, завершил эту традицию. Перед детьми не стыдно. Болтали всякое. А наградили «за творческое отношение к делу и верность России».

– Вы уже много лет восстанавливаете храмы в Артёмовском районе...

– Я всегда уважал церковь. Там красиво. Говорил: надо венчаться, а не у красных скатертей стоять в сельсовете. Мне Воробьев предлагал: займись церковью в Покровке. Я хотел начать с производства. Он сказал: «Не получится, если не восстановишь церковь». Так и вышло. Когда увидел покровчан, жителей района, на первых службах, понял, что ни одна партия не может добровольно людей на колени поставить. Все было вместе – богатые и бедные, образованные и нет. Думали о своём. О завтёмном. Такой искренности я прежде не видел. В тот момент Карина с Анжелой попросили об одной вещи. Очень просили. Они меня мало что просили в жизни, а здесь настаивали – покреститься. Выбрал Покровскую церковь. Я был готов к этому.

– В вас столько кровей намешано, какая сильней?

– Родился и вырос здесь. В Артёмовском районе переселенцев много, и все жили дружно, создавали семьи. У бабушки моей десять детей было, и все невестки больше своих матерей уважали её, мою армянскую бабушку. Все крови во мне ужилось. Не в нации дело. Плохой человек может быть у любого народа.

– Дочки незаметно выросли?

– Выросли не со мной, а рядом. В 7 утра тащил в садик, они не успевали за мной. Ни когда не доводил, около конторы «бросал». Они обижались. Сейчас беру с собой в командировки. Большие времена проводим вместе. В детстве никогда не сидел их за общим столом, когда гости собирались. В школу никогда не ходил. Везде сами. Дети – самое большое наше достояние. Это и жене, и им говорю.

– Как живётся с двумя именами?

– Друг как-то сказал: Сергей работает, Саркис грамоты получает. Саркис – имя, данное родителями. Но им никогда не пользовались. С детства все привыкли к Сергею. Саркис более официально. Если честно, оно мне нравится, оно необычное. Отец был поэтичный, стихи писал, и имя показало романтическим, красивым. Волосы у меня были длинные, волнистые и рыжие. Иногда одедали в платье, бант завязывали... Локны до сих пор лежат в коробочке с наградами. Когда меня со «Среднеуральской» с директоров сняли, у кого-то из рабочих сын родился. Сначала хотели в честь деда назвать, но дали мне имя.

ДОСЬЕ «ОГ»

Сергей Константинович ЭЙРИЯН – генеральный директор агрофирмы «Артёмовская», кандидат технических наук, заслуженный работник сельского хозяйства РФ, Почётный гражданин городов Артёмовский, Среднеуральск, Верхняя Пышма. Родился 2 марта 1949 года в п. Сосновый Бор Артёмовского района Свердловской области. В 1971 году окончил Свердловский сельскохозяйственный институт. 1971–1972 г. – служба в армии. После вернулся в родной посёлок и работал в птицеводстве «Красногвардейский» (старший зоотехник, главный зоотехник, замдиректора по производству). В 1986 году переведён директором Асбестовской птицефабрики. В 1990 году стал заместителем генерального директора по переработке и реализации продукции объединения «Свердловское» по птицеводству. В 1994 году назначен директором птицефабрики «Среднеуральская». Сейчас – генеральный директор агрофирмы «Артёмовская». 2000 г. Победитель смотра-конкурса «Лучший по профессии среди директоров птицефабрик» – III место. 1985 г. Награждён медалью «За трудовое отличие». 1989 г. Золотая медаль ВДНХ СССР. 2004 г. Золотая медаль «За вклад в развитие агропромышленного комплекса России». 2006 г. Знак отличия «За заслуги перед Свердловской областью» III степени. 2010 г. Орден Почёта.

Любит девочки не море, они любят моряков

Блиц-опрос

– С чего начинается утро? – С книги. Сейчас по Ельцину читаю. Интересный человек. Мощная личность, мощная. Наш мужик.

– Готовите? – Только мясо. Умею гостей встречать, казан поставить, сварить там что-то.

– А что-то по дому? – Ничего. В огороде люблю поленницу перебирать, поправлять, чтоб красиво было.

– Есть человек, которому вы не подаете руки? – Был.

– Деньги в долг даёте? – Даю. Но мне дают чаще. Под мое имя.

– Что в женщине цените? – Чтобы с характером была. Она – глава администрации. Мужчина – сити-менеджер. А то мы женщины впряги везде. Я раньше не замечал этого. Сейчас взял многое на себя.

– Кто автор знаменитого тоста птицеводов «Понеслись»? – Я.

– Рецепт «Цыплят табака» в фабричной столовой тоже ваш? – Да.

Расправляя крылья...

– Какой напиток больше подходит к курице? – Любый. Главное – сколько. Лучше всего, наверное, вино.

– Для вас важны деловые аксессуары? – Мне нравится, когда на столе куча ручек или карандашей. Как в детстве: гордился, что у меня много карандашей оточенных. Ценю хорошие ножи. Покупаю везде. Коллекционирую. Хотя не пользуюсь. Для охоты, для мяса, для кухни. Дарю их часто.

– В садке когда последний раз сидели? – Летом.

– Скачете? – Уже тяжело, координация не та, и страх появляется. Живот мешает.

– С каким животным себя ассоциируете? – С конём. Мне нравятся тяжеловозы – массивные, спокойные, обстоятельные.

– Удовольствие от чего испытываете? – От спокойной обстановки в коллективе: когда можно зайти в любое подразделение без напряжения. Пчёлы тоже любят покой.